

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИОННЫХ СТРУКТУРАХ В НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1993-1996 Г. И 2003-2004 Г.

Кавуненко Л.Ф., Гончарова Т.В.

Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки (ЦИПИН) им. Г.М. Доброда НАН Украины за период независимости страны (1991-2005) провел ряд исследований, посвященных процессам структурных и функциональных преобразований в научной системе Украины.

Первое исследование было проведено в 1993-1996 г.г. в рамках международного проекта «Трансформация академической науки в странах Центральной и Восточной Европы». Это было многоаспектное исследование, посвященное изучению ситуации в институтах национальной академии наук Украины в условиях радикальной трансформации общества, которое проводилось в 2 этапа. На первом этапе собирались статистическая информация о 18 институтах НАН Украины, проводился анкетный опрос ученых (более 800 исследователей) и интервью с директорами и ведущими учеными институтов. На втором этапе было выполнено углубленное изучение деятельности трех институтов с разными научными профилями.

В 2003-2004 г.г. проведено второе исследование “Функционирование и перспективы развития НАН Украины”, в котором собирались статистическая информация о 25 институтах НАН Украины, проводилось анкетирование научных сотрудников и руководителей научных подразделений (530 респондентов: 108 зав. отделами и 422 исследователя), а также интервьюирование руководителей некоторых институтов.

Объектом обоих исследований были научно-исследовательские институты НАН Украины.

Цели первого исследования, которое проводилось в период серьезных политических, экономических и социальных реформ, отражали главную проблему науки в середине 90-х г.г., т.е. необходимость “выживания”. Цель второго исследования отражает необходимость конкретизации роли национальной науки в социально-экономическом и инновационном развитии общества и возможности интеграции в европейское научное пространство (ЕНП) в условиях некоторой политической и экономической стабилизации.

Оба исследования были проведены на основе данных, полученных из двух источников – документации институтов и оценок и информации от респондентов, полученных из анкет научных работников и интервью с экспертами.

Одной из задач данных исследований было изучение опыта создания и функционирования различных инновационных структур.

Согласно статистике академических институтов, в начале 90-х годов стали создаваться многообразные структуры, которые, как считалось, призваны были оказать, в том числе и финансовое содействие выходу науки из кризиса. Это были временные творческие коллектизы, сервисные центры, инженерные центры, научно-технические кооперативы, малые предприятия, ассоциации, совместные предприятия и др. Мнения экспертов относительно таких структур разошлись: «При отделе создано малое предприятие (МП), в основном для упрощения различных финансовых расчетов. Если появляется необходимость выполнить какой-либо заказ, небольшую работу, через институт это проводить хлопотно, легче через МП. Пока МП успешно существует».

«Мы создали в отделе МП, существовало оно не долго. Несовершенная законодательная база, высокие налоги привели к тому, что мы не могли производить необходимые работы. С трудом, полгода закрывали МП.»

«На мой взгляд, новые формы организации научно-технической деятельности не оправдали себя и сейчас практически перестали существовать. Они росли как грибы после

дождя. Но потом стали свертываться. Они не явились формой поддержки академической науки».

Как показали данные из обоих обследований, а также официальные статистические источники, для НАН Украины, которая сохраняет свою роль как основной производитель фундаментальных научных знаний в стране, финансирование из госбюджета, остается основным источником финансирования научных исследований. Однако внутри НАН Украины, особенно в секциях ФМ и ХБ наук, есть институты, а в институтах – отделы, чья деятельность имеет явно выраженную коммерческую направленность и, следовательно, госбюджетные средства играют для них второстепенную роль.

Трактовка такой ситуации может быть неоднозначной. Так, ввиду острой нехватки госбюджетных средств, а также в плане содействия инновационному развитию она, безусловно, является положительной. Однако это может привести к самопроизвольной корректировке изначальной цели академической науки – от “производства научных знаний” к “получению прибыли”. Здесь следует заметить, что соответствующие правовые акты некоторых стран предусматривают недопущение подобной ситуации. Так, в Законе о Венгерской академии наук отмечено, что Академия, помимо госбюджета, может иметь и другие источники средств: поступления от ее деятельности и от коммерческого использования активов; фонды, пожертвования и поддержку, направляемую для содействия деятельности и развитию Академии. При этом Законом предусмотрено, что предпринимательская деятельность институтов Академии не должна ставить под угрозу их основную тематику, обозначенную в их учредительных документах, и не должна превышать масштабов, обозначенных в их уставах. А финансовая документация по такой (предпринимательской) деятельности ведется отдельно от деятельности, связанной с бюджетным финансированием научных исследований.

Такая тенденция влечет также и негативные социально-психологические последствия для НАН Украины: это деление академического сообщества на “богатую” и “бедную” части. Причем первая часть, судя по всему, будет гораздо меньше, чем вторая, а при сохранении тенденции к коммерциализации отдельных “участков” Академии этот разрыв будет возрастать. Это негативно отразится на социально-психологическом климате в Академии, а также на качестве выполнения «коммерциализированными» институтами и отделами плановой научной тематики. Ведь институт, где базовые бюджетные ассигнования едва ли превышают 25%, либо отдел, где они составляют 10-20% его совокупного бюджета, на выполнение плановой тематики наверняка тратит не больше, если не меньше, совокупного рабочего времени.

Однако это лишь часть проблемы. А проблема как таковая, на наш взгляд, касается национальной научно-технической политики. Помимо финансового аспекта, т.е. необходимости значительного увеличения бюджетных ассигнований на науку, она имеет еще и структурный аспект, имеющий исторические корни.. Академия наук Украины, которая полностью сформировалась при СССР, имела в своем составе мощную технологическую составляющую, которая должна была обеспечивать “интеграцию науки и производства”. Но если рассматривать такую структуру с учетом особенностей планово-административной экономики, то включение технологической составляющей в состав Академии полностью соответствовало ведомственной структуре этой экономики, которая была монополистической, т.е. имела лишь один сектор – государственный. Иными словами, те технологические структуры, которые в странах с развитой рыночной экономикой и передовой наукой обычно функционируют в рамках предпринимательского сектора, обслуживая соответствующий конкурентный рынок и будучи связаны с любыми другими структурами свободными договорными отношениями, в условиях планово-административной экономики должны непременно быть под юрисдикцией того или иного “ведомства”. «НАН Украины – по сути министерство науки, государственное учреждение», «Параллельное существование двух министерств науки – ГКНТ и НАН – надуманное и вряд ли целесообразное...» – это фразы экспертов в ходе первого

исследования, показывающие, что ведомственный характер Академии является фактом. Кроме того, “ведомственность” планово-административного типа порождает еще один феномен – автаркию, непременное последствие которой – хронический дефицит, поскольку ничего нельзя (легально) “приобрести” вне плана и “на стороне”. Поэтому ведомства как правило имели собственную “обслуживающую базу”.

На то, что феномен автаркии также был одним из факторов создания технологической базы внутри Академии, указывает информация от экспертов из первого исследования: «Опытно-производственная инфраструктура Академии создавалась во времена жесткой системы Госплана, в которой научным учреждениям было трудно разместить свои малые заказы на заводах, КБ... Теперь, если есть средства, можно заказ разместить хоть в Японии. Опытно-производственная база – пережиток сверхцентрализации системы»;

«Эти структуры создавались в условиях, когда институты не могли для своих малолитражных поделок найти предприятия, которые бы их делали, или не могли купить оборудование и самодельно изготавливали его у себя. В нормальных условиях, тем более при рынке, нужны лишь деньги, чтобы купить или изготовить. Поэтому вся база исчерпала себя».

«Опытно-производственная база давала нам возможность изготовить самое современное оборудование...институт имел много хороших приборов. КТБ делало не макет, а действующий образец прибора, который оставался в институте, а второй прибор уходил на сторону – заказчику, которым была, как правило, богатая организация. Таким образом, институт получал приборы, которые он никогда не смог бы изготовить для себя...»

КТБ, о котором идет речь, перестало существовать в 1994 г. ввиду совокупности всем известных факторов. Однако вот что говорит директор института, с которым оно было «связано в единый НТП»: «... Но я верю в то, что, пройдя через развал, мы извлечем уроки и воссоздадим новое КТБ. Это будет непросто, но обновление нашей научно-исследовательской базы невозможно без решения этого вопроса».

Понятно, что существование сети инновационных структур, подобных таким КТБ, – это необходимый фактор перевода страны на инновационный путь развития. Но слова директора наводят на такие вопросы: На какой институциональной базе оно будет воссоздано? Как подразделение института или как самостоятельная структура?

Очевидно, в рыночных условиях целесообразно создавать такие структуры в сфере науки, которые по совокупности своих уставных критериев относятся к предпринимательскому сектору. Заметим, что такой подход, помимо прочих выгод, позволит сэкономить средства, которые можно пустить на усиление сферы фундаментальных исследований, вплоть до создания внутри НАН новых подразделений или учреждений.

Но каковыми тогда видятся бюджетные отношения государства с такими институтами? Эта проблема, связанная с институциональной реструктуризацией науки в пользу предпринимательского сектора, влечет за собой следующую проблему, связанную с реструктуризацией бюджетных ассигнований на науку в пользу программно-целевых методов финансирования. Если практика программно-целевого финансирования будет реализована хотя бы минимальным образом, т.е. соответствующая доля составит 30% в бюджете на науку (как постановлено в Законе Украины “О приоритетных направлениях развития науки и техники” [1]), то государство могло бы работать с такими институтами по этой линии, разумеется, с их согласия. Хотя даже 30% долю целевых ассигнований эксперты считают недостаточной: «Полагаю, что 50% финансирования должно быть базовым, а 50% – фондовым [не исключено, что к фондовым эксперт относит и целевое финансирование, поскольку сущность процедуры выделения соответствующих средств исполнителям одна – объективная и качественная экспертиза заявок]...Фонды должны быть разные, их должно быть 10-20...» [2]). Понятно, что необходимым условием для

указанной реструктуризации внутри национальной научной системы является постепенное увеличение доли бюджетных ассигнований на науку до среднеевропейского уровня. Но отметим, что, по мнению экспертов, выход на 30-процентный уровень программно-целевого финансирования возможен уже при увеличении общего объема финансирования науки на сумму, соответствующую примерно 0,1% ВВП [3].

А без этого любые разговоры о совершенствовании научно-технической политики в стране и выводе ее экономики на инновационный путь не имеют под собой никаких оснований.

Возвращаясь к проблеме, связанной с наличием в НАН Украины высоко коммерциализированных институтов и подразделений, отметим, что она относится к разряду таких, которые сегодня непосредственно увязываются с одной из глобальных проблем украинской науки – реформированием НАН Украины. Этот аспект был четко обозначен в анкете второго исследования. Так, исследователям и заведующим отделами обследованных институтов был предложен многовариантный вопрос о реформировании НАН Украины, среди которых и вариант “вывести институты технологического профиля из НАН Украины”. Лидером по частоте ответов, понятно, был вариант о сохранении статуса НАН Украины як основного эксперта по вопросам научно-технологического развития (с которым согласилось около 90% респондентов). Однако частота ответов заведующих отделами в пользу вывода институтов технологического профиля была сопоставима с частотой ответов на другие общеизвестные больные проблемы – о необходимости сосредоточить ресурсы на приоритетных направлениях, а также экономии средств на содержание аппарата Президиума (35,1% высказались за вывод технологических институтов и столько же – за сосредоточение ресурсов на приоритетных направлениях, 36,5% – за экономию средств на содержании Президиума). Что касается исследователей, то здесь число сторонников вывода технологических институтов ненамного меньше числа сторонников сосредоточения ресурсов на приоритетных направлениях (32,3% и 35,7%), но больше, чем сторонников экономии средств на Президиуме (29,9%). Остальные два варианта – превратить НАН в клуб академиков и вывести институты из-под юрисдикции Президиума; увеличить количество отделений и обеспечить их большую специализацию составляют от 10 до 17%.

Интересно, что в разрезе секций больше всего сторонников вывода технологических институтов в ХБ секции – 50% заведующих отделами и 38,5% исследователей; в ФМ секции сторонников вывода этих институтов среди заведующих отделами всего лишь 23,5%, среди исследователей этой секции их 31,5%; а для СГ секции соотношение примерно обратное: 37,5% сторонников среди заведующих отделами и 20,5% - среди исследователей. Таким образом, какой-либо четкой структуризации сторонников вывода этих институтов из НАН Украины нет: их вполне достаточно во всех секциях и на всех основных научных должностях.

Между тем, можно было бы ожидать большей частоты ответов на вопрос о “выводе технологических институтов” в случае его более детальной формулировки. Что, к примеру, подразумевать под “выводом”? Означает ли это, что институты нужно отпустить в “свободное плавание”, либо “передать” под чью другую юрисдикцию? Тогда под чью? Эти вопросы важны ввиду многочисленных предложений о включении академических институтов в вузовскую систему и даже о переподчинении их министерствам [4]. Что касается первого предложения, то здесь еще можно приводить в качестве довода выгоды от “сближения науки и образования” и ссылаться на западный опыт. Но второй вариант, по нашему мнению, означает обычный административный передел: институты так и останутся государственными (получающими базовое финансирование) и при этом зарабатывающими выполнением как можно большего числа сторонних работ. Единственной, на наш взгляд, целесообразной мерой было бы формирование, на базе тех институтов или даже тех отделов, которые уже накопили высокий коммерческий потенциал, структур предпринимательского сектора. Причем отметим, что коммерческие

работы – это понятие, не тождественное понятию “прикладные исследования”, на прекращении бюджетного финансирования которых настаивают некоторые эксперты [5]. Коммерческие работы – это работы, выполняемые для конкретного заказчика, т.е. имеющие фактический платежеспособный спрос. По словам одного из экспертов из НАН Украины, “коммерциализация технологий – это синоним понятия *продажи, содействия продажам*, результатом которых должна стать *покупка* и практическое *внедрение* технологии заказчиком, а также *получение гонорара разработчиком*” [], в то время как прикладные разработки – это “деятельность *поискового* характера, предпринимаемая с целью *обретения новых знаний*, но, однако, направленных в первую очередь на реализацию конкретной цели или задачи” (курсив наш) [п.57].

Такое сложное дело, как институциональная реструктуризация науки в пользу частного сектора, невозможна без поддержки и стимулирования государства в виде особого режима налогообложения, арендной платы и т.п. Такая реструктуризация при одновременной государственной поддержке должна быть частью политики перевода отечественной экономики на инновационный путь, а именно, одной из мер по управлению той деформированной рыночной среды в сфере науки, которая ныне существует в Украине, когда государственный сектор (и НАН Украины как его часть) является почти монопольным исполнителем НИР. В том случае, если будет создан полноценный предпринимательский сектор в сфере науки, государственные научные учреждения будут в основном выполнять те профильные работы, которые “иначе надлежащим образом не предоставить” (см. выше критерии включения в государственный сектор) – а эти работы определены Законом Украины “О научной и научно-технической деятельности” [5]: *фундаментальные* научные исследования; важнейшие для страны направления исследований, в том числе в интересах безопасности и обороны; научно-технические программы и отдельные *разработки*, направленные на реализацию приоритетных направлений развития науки и техники; обеспечение проведения важнейших *прикладных* научно-технических разработок, которые выполняются по госзаказу. Как видим, функциональная классификация НИР (фундаментальные, прикладные, экспериментальные разработки) здесь не является критерием для включения в список соответствующих работ.

Ввиду этого вышеупомянутый вопрос о выводе из Академии технологических институтов следовало бы сформулировать примерно так: выделить из НАН высоко коммерциализированные институты (подразделения) с последующим созданием на их базе предпринимательских структур (на условиях льготного режима функционирования).

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон України “Про пріоритетні напрями розвитку науки и техніки”// Відомості Верховної Ради (ВВР), 2006, № 48, ст.253.
2. Малицкий Б., Оноприенко В. Проблемы академической науки глазами ученых. – К.: Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки имени Г.М.Доброда НАН Украины, 2003, С.14.
3. Маліцький Б.А., Попович О.С., Солов'йов В.П., Єгоров І.Ю., Булкін І.О., Шокун Т.В. Рациональне фінансування науки як передумова розбудови знаннєвого суспільства в Україні. – К.: “Фенікс”, 2004. – 32 с.
4. Симптоми тяжкої хвороби, або що являє собою вітчизняна наука // День. – 2005. – 10.03.
5. Закон України “Про наукову і науково-технічну діяльність” від 1 грудня 1998 р. № 285-XIV // Відомості Верховної Ради (ВВР), 1999, № 2-3, ст.20.